

ПЕРЕНОСЕНИЕ МОЩЕЙ
АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО:
«ВОДНЫЙ ПУТЬ»
В ИМПЕРСКОМ ЦЕРЕМОНИАЛЕ

МАРИЯ СМОРЖЕВСКИХ-СМИРНОВА

Перенесение мощей св. Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург стало одним из важных этапов идеологического строительства начала 1720-х гг. Церемония перенесения была тщательно продумана, предусматривала личное участие монарха и отличалась особой торжественностью. По распоряжению Петра I все детали перенесения фиксировались в специальном документе: с самого начала пути сопровождающим процессию лицам предписывалось вести «обстоятельный журнал» и обо всех подробностях шествия рапортовать в Синод¹.

Вместе с тем, «журнал» являлся только хроникой перенесения, и многие элементы церемониала, разработанные лично Петром, в этом письменном свидетельстве никак прокомментированы не были. Почти не изученными остались они и в исследованиях, посвященных эпохе Петра I и истории Санкт-Петербурга: на основании «журнала» авторы рассказывают историю перенесения, обращают внимание на отдельные детали церемониала и указывают, что перенесение мощей св. князя стало одним из центральных событий в жизни новой империи и столицы.

¹ Специальное распоряжение о составлении этого «журнала» было включено в постановление Синода о перенесении мощей: «а котораго месяца и числа оный путь восприят и проезд чинен будет, тому иметь обстоятельный журнал, из котораго, выписывая присылать в Святейший Синод, от каждаго места, на всякой почте рапорт, дабы в Синоде о том было ведомо» [Постановления Синода: III, № 1065].

Настоящая статья — попытка интерпретировать церемонию перенесения как идеологическое единство.

29 мая 1723 г. Петр I, посещая в Санкт-Петербурге Александр-Невский монастырь, оставляет устное распоряжение о перенесении мощей св. князя из города Владимира в новую столицу [ПСЗРИ: VII, № 4241]². Через несколько дней, согласно воле монарха, Сенатом был составлен письменный указ, в котором подробно разъяснялось, как следует достойно и «без всякого умедления» «то перенесение <...> действием производить» [Там же]. К концу месяца последовало и специальное постановление Синода — по сути, детальный план предстоящего перенесения. В основу этого плана была положена церемония перенесения мощей митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву, имевшая место во времена царя Алексея Михайловича: «оныи мощи из Владимирскаго Рождествена монастыря в Санкт-Питербурх, в Александроневский монастырь, перенести, по примеру учиненнаго в <...> 7160-м году из Соловецкаго монастыря в Москву святых Филиппа митрополита мощей перенесения <...>» [Постановления Синода: III, № 1065].

Отличительной чертой предстоящего церемониала должна была стать особая роскошь в оформлении раки: вместо простой лютки, на которой традиционно переносили раку с мощами, был построен дорого оформленный ковчег с балдахином из бархата и золота, а над крышкой ковчега была установлена княжеская шапка «малинового бархата, накрест обложенная золотым позументом и опушенная горностаем с серебряным вызолоченным крестом» [Рункевич: 215] Приготовления по убранству ковчега были закончены к 11 августа, и в тот

² Князь Александр Невский был погребен во Владимирском Рождественском монастыре, в церкви Рождества Пресвятой Богородицы 23 ноября 1263 г. С этого времени и до Московского Собора 1547 г. осуществлялось местное чествование князя как святого. После официальной канонизации в 1547 г., 23 ноября был установлен как день памяти святого князя Александра Невского во всей русской церкви [Макарий (Булгаков): 158–159].

же день началась церемония перенесения мощей. И хотя дополнительным постановлением Синода предписывалось «в пути иметь усердное поспешание» [Постановления Синода: III, № 1072], чтобы к 20-му или, в крайнем случае, к 25-му августа, принести мощи к Санкт-Петербургу, шествие растянулось до конца октября, когда, наконец, ковчег с мощами был доставлен в Шлиссельбург.

Требование «усердного поспешания», исполнения которого настойчиво добивался Синод, не было случайным: по замыслу Петра I, мощи св. Александра Невского, небесного покровителя новой столицы, должны были прибыть в Санкт-Петербург именно 30 августа, в памятный день заключения Ништадтского мира и торжества всей империи³. О том, насколько значимым для императора было сближение этих событий в одной дате, свидетельствует и тот факт, что «запоздавшие» к назначенному дню мощи св. князя были оставлены в Благовещенской соборной церкви Шлиссельбурга до 30 августа следующего, 1724 года. Специальным же Указом Синода от 2 сентября 1724 г. (через несколько дней после состоявшегося перенесения) предписывалось отмечать день памяти св. Александра Невского не 23 ноября, а 30 августа [Там же: IV, № 1347].

По-видимому, еще в 1723 г. Петром был подготовлен отдельный церемониал, предполагавший личное участие императора в заключительном этапе перенесения. За время пребывания мощей св. князя в Шлиссельбурге в детали этого церемониала Петр внес ряд изменений, коснувшихся оформления раки и изображения святого. Так, указ от 15 июня 1724 г. предписывал святого князя Александра Невского «в монашеской персоне никому отнюдь не писать, <...> а писать тот образ во одеждах великокняжеских» [Там же: № 1318]. Прежний

³ Как было отмечено Е. А. Погосян, на 30 августа приходились еще несколько памятных и знаковых событий: учреждение ордена св. Андрея Первозванного в 1698 г., начало Северной войны «по новому стилю» и обретение в 1652 г. мощей св. Даниила Александровича — родоначальника династии московских князей и младшего сына Александра Невского [Погосян: 163].

образ святого заменили новым, где князь Александр изображен был уже в княжеской одежде, без серебряного венца, оплечий и без образа Св. Троицы над головой. Тяжелый ковчег, который с места поднимали 92 человека, а нести могли не менее 150-ти человек, заменен в итоге на более легкую конструкцию (вместо ковчега сделана арматура, только по форме напоминающая ковчег, куда и установили раку); подновлен балдахин, а сама рака обита парчой, «взятою с дорогих риз Шлиссельбургской церкви» [Рункевич: 217–222].

Торжественная встреча святых мощей в Санкт-Петербурге проходила по «водному пути» 30 августа 1724 г. Согласно подготовленному церемониалу, ранним утром Невский флот в полном составе направился к Шлиссельбургу. В составе флотилии был и «дедушка русского флота» — ботик Петра. Сам император прибыл на галере к устью Ижоры, где, по преданию, была одержана победа Александра Невского над шведами. Здесь ковчег с мощами был перенесен на галеру Петра, и император встал у руля, повелев сановникам, сопровождавшим его, взяться за весла [Там же: 222]. Так на галере, управляемой лично Петром, «при пушечных салютах и колокольном звоне» святые мощи были доставлены в Александро-Невский монастырь, в новую церковь св. Александра Невского, освященную в этот же день [Там же].

«Комментарием» к церемонии перенесения стали произведения Гавриила Бужинского, который в 1723 г. написал проповедь на день памяти св. князя Александра, а в 1725 г. (уже после смерти Петра I) закончил составление службы, заказанной Петром в 1724 г.: «На Ништадский мир и перенесение мощей св. Александра Невского»⁴.

⁴ Оба этих сочинения уже являлись предметом отдельного исследования в статье Ю. К. Бегунова «Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском». Здесь же был представлен анализ Синаксаря 1725 г., который включал новую редакцию жития святого, сведения о перенесении мощей и «краткую историю» Северной войны. Однако основное внимание исследователя сосредоточено на эволюции агиографи-

Проповедь Бужинского 1723 г. «В день празднования св. Александра Невского и вместе с тем освящения в его монастыре церкви во имя Благовещения Пресвятой Девы Марии»⁵ являлась «программным» текстом, где была представлена концепция перенесения. В настоящей статье мы рассмотрим именно это сочинение.

Проповедь открывается эпиграфом, взятым из Евангелия от Иоанна: «кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, и к нему прииде и обитель у него сотвориве» Слова <...> Спасителя, у святого Иоанна <...> в главе 14 написанные» [Гавриил: 512]. Отметим, что уже в этих словах звучит намек на особую сторону святости Александра: он не ушел от мира как монах (не был в обители при жизни), но служил миру как князь, и именно за это служение Господь прославил его как святого. Новоустроенная лавра — это та самая обитель, которую, по словам Евангелия, Господь «сотворяет» для Александра. Здесь важно, что обитель «приходит» к месту победы князя (а не захоронения), сюда же возвращается св. князь. Т.е. место победы становится сакральным центром, к которому приходят и обитель, и святой.

Далее, обращаясь к Священному писанию, проповедник рассуждает о самой величественной форме божественной любви, когда Бог обещает «жительствовати» в людях, «хранящих словеса Его», и о проявлении этой любви на конкретном человеке — Александре Невском. Великий князь, — разъясняет Бужинский, — сподобился стать «престолом Бога живого», потому что не только в душе имел «благодати знамение», но и показывал действие этой благодати, т.е. «Бога живительствующего» в своих делах [Там же: 515]. А поскольку Бог

ческого канона в сочинениях Бужинского по отношению к древнерусской традиции. Связь проповеди и службы с самим церемониалом перенесения в этой работе рассмотрена не была (см.: [Бегунов]).

⁵ Церковь Благовещения, упоминаемая в названии проповеди, являлась нижним храмом той самой церкви, куда в 1724 г. была перенесена рака с мощами св. князя.

пребывает в трех ипостасях, — выстраивает Бужинский следующий тезис, — то и в действиях св. Александра Невского следует усматривать действия каждой из ипостасей Святой Троицы.

Тема Божественной Троицы является в проповеди ключевой, поскольку коррелирует с местом, куда переносят мощи св. князя: монастырь Живоначальной Троицы и Святого благоверного великого князя Александра Невского. К описанию Святой Троицы Бужинский подходит через аллегорические образы, хорошо известные по книгам Священного Писания и трудам отцов Церкви. Каждую аллегорию он обстоятельно комментирует.

Начинает Бужинский с рассуждения о воде, которая «из источника исходя, реку составляет и потом <...> в море оканчивается» [Гавриил: 518]. Слушателям он разъясняет, что источник в этом иносказании — Отец, река — Сын, море — Дух Святой, — т.е. три ипостаси Бога. В таком ряду подобий и дела Александра Невского, его правление, жизнь и блаженная кончина — «явственнейший <...> образ Троицы» [Там же]. Дальнейший текст проповеди должен показать, как действия и ипостаси Святой Троицы отражаются в действиях св. князя Александра.

О первой ипостаси Гавриил Бужинский говорит следующее: как и Бог-Отец, Александр Невский устраивает промысел о людях. Князь не только сохранял «врученную себе паству» и защищал «богоданное российское достояние», но и «о малейшей целостности и благосостоянии промышлял» [Там же: 519]. Раскрывая этот тезис на конкретных примерах, Бужинский делает краткий исторический экскурс во времена князя: междоусобные конфликты, разорения со стороны Орды, вторжение шведов на невские берега. Для нас показательным, что в этой исторической зарисовке проповедник обращается к хорошо известным риторическим конструкциям, актуальным для идеологического дискурса 1709–1721 гг. (гравюры, декорации к празднествам и фейерверкам, «военные» проповеди). Так, о вторжении шведов Бужинский пишет как о пробуждении «свейского Льва» («воставаше в лютоисти своей обыкновенный

Лев Свейский» [Гавриил: 519]); о войне как о «тяжкой буре» на водах; о России как о корабле; об Александре Невском как о кормчем, который «не в тишине, но во всеконечном обуревании к желаемому возмогл привести корабль пристанищу» [Там же]. В однозначной исторической перспективе (она обращена к событиям Северной войны) Бужинский описывает ситуацию, в которой оказался Александр Невский накануне сражения со шведами: имея «воинства скудость», князь не сомневается в Промысле Бога, «научающего руце на ополчение и персти на брань»; «таковою надеждою вооруженный», он собирает войнство и одерживает «преславную победу» [Там же: 520].

В заключение Бужинский рассказывает небольшую историю из жизни античного философа Аристиппа. Философ плывет на корабле, который попадает в бурю, разбивается, а оставшиеся в живых отправляются на поиски людей. Они не знают, в какой стране оказались, и кто в этих землях обитает. Вдруг Аристипп замечает на песке некие геометрические фигуры и, понимая, что следы оставлены не варварами или скифами, с радостью восклицает: «не отчаивайтесь! <...> ибо и здесь следы людей вижу!» [Там же]. Эта аллегория нужна Бужинскому для простого вывода: Александр Невский «в мрачные и скорбные времена» начертил на Невских берегах «фигуру преславных победы». «Фигура победы» и есть тот самый след и, вместе с тем, Промышление, которое князь оставил для других, шествующих за ним «преславных победителей» [Там же]. В контексте сюжета «фигура победы» Александра показывает также, что на неевских берегах живут не варвары и не скифы: это не просто перво победа над шведами, это — первый шаг к цивилизации.

Отметим, что неотъемлемая черта проповеди петровской эпохи — обращение к событиям современности посредством иносказаний, аллегорий, библейских цитат. Однако риторика проповеди Бужинского интересна для нас не только аллюзиями на современность, но и обыгрыванием в тексте одной и той же «водной» символики. Как представляется, сюжет каждой из приводимых автором аллегорий являлся также топографи-

ческой реалией. Так, в аллегорическом описании св. Троицы как источника, реки и моря слушатель мог «прозревать» конкретную топографию Невских берегов: Шлиссельбург, стоящий в самом истоке Невы из Ладожского озера — источник, Нева — река, Балтика — «море, воспринимающее реку». Т.е. путь мощей Александра по воде заключал в себе символику воплощения самой Троицы в делах святого, и ритуал становился овеществленной аллегорией.

В следующей части проповеди Бужинский рассуждает о второй ипостаси Троицы. Как Бог-Сын, князь Александр проявляет любовь к вверенным ему людям через самопожертвование. Князь, поясняет Бужинский, «восхоте един за всех послужити <...>, нежели Россию в злоклучении видети», и потому отправляется в Орду [Гавриил: 521]. Отдельно автор отмечает, что князь пошел там, где «многих следы прежде его были», но мало следов, возвращающихся обратно [Там же]. Здесь же проповедник перечисляет князей, не вернувшихся из Орды, и, обращаясь к Евангельскому тексту, дает оценку подвига князя Александра: в его поступке высочайшая добродетель любви, «еяже больше не бывает, да аще кто положит душу свою за други своя» [Там же].

Очевидно, что и в этом историческом фрагменте содержался намек на события Северной войны: и до Петра русскими правителями предпринимались попытки закрепиться на Ижорских берегах, но только Петр сумел пойти по следам своего славного предшественника и вернуться с полной победой. Напоминание о хождении Александра в Орду в проповеди Бужинского имело также актуальный для современников контекст — Персидский поход Петра, завершение которого пришлось на сентябрь 1723 г. Деяния Александра Невского и Петра схожим образом пересекались и здесь: если князь Александр отправлялся в Орду, желая предотвратить разорение русских земель татарами, то Петр I в 1722–1723 гг., закрепляя позиции России на южном направлении, осуществил поход, результатом которого стали: обеспечение безопасности юго-восточных границ России, завоевание прикаспийских провинций Персии и союзный договор с Персией против Порты.

Примечательно завершение этого эпизода, опять же сводимого к водной тематике. Бужинский обращается к ветхозаветному ряду для описания победы князя: «отыди, аки на смерть и оттуду <из Орды. — М. С.>, аки голубица Ноева, принесе в Российский корабль, потопом скифским едва не погружаемый, сучец маслины благонадежия, целости и заступления; <...> возвратися в крепости с почестию и дарами великими» [Гавриил: 521]. Аллюзии на ботик Петра, который в официальной идеологии устойчиво сопоставляется с Ноевым ковчегом, здесь очевидны⁶. Таким образом, в церемонии перенесения ковчег появляется дважды: это и ботик Петра, и ковчег со святыней (мощами князя), но князь Александр в данной аллюгии выступает не как кормчий, а как вестник «благонадежия».

В заключительном фрагменте проповеди речь идет о третьей ипостаси. Бужинский, цитируя многочисленные места из Священного Писания, пишет о проявлениях Св. Духа. Здесь он упоминает голубя над Иорданом — это Александр над Невой. И далее пишет подробно о воплощении третьей ипостаси в огне и ветре, обращаясь также к традиционной форме изображения Святого Духа⁷. Однако даже эти формы Божества, никак не связанные по своей природе с водной стихией, Гавриил Бужинский в конечном итоге соотносит именно с водой: Дух Святой подобен ветру, приносящему облака с дождем на высушенную землю (высушенная земля здесь — аналог греховности), дождь проливается на землю, оживляет ее и «раждает всякое изобилие» [Бужинский: 523]. Так и князь Александр «дыханием ветра божественного напоен, мног плод отечеству своему принесе» [Там же: 525]. Т.е. князь уподоблен здесь облакам со спасительным дождем — водной стихии небес. Огонь же «очистительного духа» проявляется в том, что просвящает и озаряет князя [Там же]. Но Бог, завершает свое рас-

⁶ Подробно об этом: [Погосян: 104–110].

⁷ Говоря о проявлении Св. Духа через огонь и ветер, Гавриил Бужинский не забывает и другой евангельский образ — голубя. Однако когда Дух Святой «изволяет пребывать в человецех», он, как замечает автор, уподобляется ветру и огню [Гавриил: 522].

суждение Бужинский, не только «живет в душевной обители чрез все житие» своих угодников, Он «Свое божественное действие явственно образует» [Бужинский: 525]. Поэтому на Невских берегах, где князь впервые начертил знаки российских побед, появилась святая обитель, как из чертежа здание. Проповедник говорит здесь о Лавре, но в контексте рассуждений о фигурах победы, обитель Святой Троицы — это и новая столица, воздвигнутая на Невских берегах Петром, «сродником» св. князя и, как подчеркивает проповедник, «истинным его подражателем» [Там же].

Тема Петербурга — града Божьего, который веселят «речные устремления», достигнет своей кульминации в Службе на перенесение мощей св. Александра Невского. Настоящая проповедь оказывается важным этапом в создании этой концепции и расставляет акценты в готовящемся церемониале: Бог предначертал создать Свою обитель (Лавру и новую столицу) именно на этих берегах.

Бужинский — и так, видимо, хотел Петр — не сводит историю Александра к борьбе со Швецией, а перенесение мощей (т.е. возвращение прославленного Богом князя на место первой победы над шведами) к Ништадтскому миру. В аллегориях, исторических зарисовках и живых образах перед слушателем проповеди возникает целый ряд дополнительных значений церемониала: великокняжеская — императорская власть, цивилизация и деяние как знак воплощения Троицы.

Весьма показательно для нас, что метафора воды меняется на протяжении текста. Так, в самом начале проповеди появляются: «море непреплаваемых бедствий» и бурные воды, которые в итоге промыслительно преодолеваются; затем слушатель узнает о море — вместилище трех божественных ипостасей, а в заключение Бужинский пишет о тайне Святой Троицы как о море, в которое нельзя отправляться на скудельной (глиняной) ладье. Корабли могут быть разные, и скудельная ладья заведомо обречена [Гавриил: 513, 516]. Тайну Святой Троицы невозможно постичь умом, но только одной искренней верой.

Именно «водная» символика и тема «скудельной ладьи» в проповеди освещают, на наш взгляд, еще одну важную сто-

рону перенесения мощей св. Александра Невского. Как мы помним, специальным постановлением Синода святые мощи предписывалось перенести по примеру перенесения мощей митрополита Филиппа. Вопрос о том, почему для перенесения был выбран именно этот образец, никем из исследователей специально не рассматривался. Ответ здесь, казалось бы, очевиден: Санкт-Петербург приносит мощи «своего» святого, как некогда Москва возвращала мощи своего, Московского митрополита. Именно такое объяснение Синодальному постановлению от 30 июня 1723 г. дал С. Г. Рункевич — автор одного из самых авторитетных трудов по истории Александроневской Лавры.

Как нам представляется, в выборе «образца» перенесения было не все так однозначно. Во-первых, существовало календарное совпадение, объединявшее обоих святых и самого Петра с ними — 30 мая (а совпадению дат Петр придавал исключительное значение). На этот день приходились дни рождения князя Александра и государя Петра I, а также день памяти митрополита Филиппа, который ежегодно отмечался в Соловецком монастыре с момента первого перенесения мощей святителя (1646 г.) из-под паперти Зосимо-Савватиевской церкви в Преображенский собор [Сапожникова: 198]⁸.

Во-вторых, начиная с XIII века в исторических и агиографических источниках об Александре Невском имя Филипп упоминается в связи с датой смерти князя. Так, в Новгородской летописи старшего извода сообщалось, что князь, заболев, принял постриг 14 ноября, на память св. апостола Филиппа, и в тот же день умер [Новгородская летопись: 83–84]. О том, что именно в день памяти св. апостола Филиппа преставился князь Александр, свидетельствуют и различные редакции его жития.

⁸ К этому дню были приурочены также службы и похвальные слова митрополиту Филиппу, написанные в Соловецком монастыре во время пребывания в нем мощей святителя [Сапожникова: 198].

И, наконец, выбор «образца» мог быть продиктован самой историей перенесения мощей митрополита Филиппа, которая, как нам представляется, была важна для Петра-императора.

Обратимся к событиям середины XVII в. Перенесение мощей митрополита Филиппа из Соловков в Москву состоялось в 1652 г. По решению царя Алексея Михайловича и освященного собора за мощами Московского святителя, пострадавшего от рук Иоанна Грозного, отправилось посольство во главе с митрополитом Никоном. На него была возложена особая миссия: зачитать перед мощами невинно убиенного святителя покаянное письмо Алексея Михайловича, написанное по примеру покаянного письма императора Феодосия II к мощам Иоанна Златоуста [Сапожникова: 205]. В письме, обращаясь к св. Филиппу как к живому, молодой государь не только испрашивал прощение за грехи «прадеда», но и «преклонял» «честь своего царствия» и свою власть «к богопрославленному величию» святого [Герасим Фирсов: 49]. Так Алексей Михайлович просил митрополита Филиппа «прийти» с миром в Москву.

Посольство за мощами, представлявшее собой огромную свиту духовных и светских лиц, отправилось из Москвы в марте. У Архангельска в середине мая посольство попало в сильнейшую бурю, которая разметала все суда. О подробностях этого трагического происшествия, в котором не только разбились лодки, затонула царская казна в размере 1000 рублей (для милостыни монастырским «братиям»), но и погибли 69 человек, сообщал сам Никон в путевой переписке с царем Алексеем Михайловичем. Трагедия, случившаяся в Белом море, Никона настолько потрясла, что даже гонца с письмом к царю он отправил не сразу, а лишь через три недели, оправдываясь тем, что «едва от морского страху и трепета в себе пришли» [ПРГ: I, 324].

На обратном пути он решает навестить остров Кий, с которым была связана история еще одной бури на Белом море. В 1639 г. маленький «корабелец», на котором плыл Никон, тогда еще иеромонах Анзерского скита, буря прибила к этому небольшому пустынному острову. Благодаря Бога за спасение, Никон установил тогда деревянный крест. Спустя 13 лет, воз-

вращаясь с мощами Филиппа в Москву, Никон желает вновь посетить место своего спасения и находит свой крест неповрежденным⁹.

После посещения острова Кий посольство продолжает путь к Москве, однако уже по новому плану, составленному Никоном. Первоначальный план предполагал, что от Соловков до Вологды мощи будут везти «водным путем», а из Вологды до Москвы — «сухим». Никон еще на пути в Соловки вносит в этот план изменения, убеждая царя в том, что весь путь мощей Филиппа до Москвы должен проходить по воде. Он боится повредить святыню на бездорожье, поэтому составляет детальный план водного пути, «чтобы к Московскому государству приехать водою ближе Вологды» [Севастьянова: 316]. План был утвержден царским указом, и мощи митрополита Филиппа, не считая Белого моря, везли из Соловков по семи рекам (Онега, Свидь, река «из Вожа озера», Шексна, Волга, Дубна и Яхрома) и трем озерам (Лачь озеро, «Воже озеро», Бело озеро). Водный путь мощей по подсчетам самого Никона составил 830 верст, а «сухой путь» — всего 90 [Севастьянова 2003: 317].

Исследователи отмечают, что перенесение мощей митрополита Филиппа было изначально спроецировано на хорошо известный житийный сюжет V века, когда Константинополь по воде из Комани возвращал мощи Иоанна Златоуста¹⁰. Общие моменты в биографиях святителей (оба были непокорны жестокой воле монархов, гонимы и убиты за веру и паству) позволяли уже современникам сопоставлять «непокорного» митрополита Филиппа с Иоанном Златоустом. В середине

⁹ Оказавшись на острове с мощами Филиппа, Никон узнал, что многие попавшие в бурю, увидев Кийский крест, уповали на помощь Господа и спасались от верной смерти. Будущий патриарх дал тогда обет построить на этом месте монастырь. В 1656 г., при помощи царя Алексея Михайловича, Никон основал на каменном острове монастырь во имя Святого Животворящего креста и святителя Московского Филиппа [Лаврентий Далматов: 1–22].

¹⁰ Подробно об этом: [Сапожникова: 196].

XVII в. воспроизведение этого византийского сценария обрело особую актуальность в намечающемся споре церкви с государством. Никон с самого начала своего патриаршего пути «примерял» на себя образ митрополита Филиппа — «второго Златоуста» — в своем поведении с царем Алексеем Михайловичем [Сапожникова: 209]. Даже поставление в патриархи (через месяц после перенесения мощей московского святителя) он назначил на 25 июля — день, когда на митрополию был возведен Филипп [Там же: 210–211]. Как отметила О. С. Сапожникова, согласно официальной хронике 1652 г. именно перенесение мощей Филиппа стало той особой заслугой Никона, за которую он был произведен в патриархи «без жребия» («Никона же митрополита новгородского того ради <перенесения>. Государь изволил на патриаршество без жребия») [Там же: 210]. Т.е. Никон отправляется за мощами не только потому, что помогает царю Алексею (и покаяться по примеру византийского императора, и с особыми почестями перенести мощи святителя), но и для того, чтобы стать патриархом и «преклонить», согласно покаянному письму государя, царскую власть. Водный путь мощей Филиппа обретает в данном контексте прямое идеологическое значение.

Если подробно проследить «шествие» с мощами Александра Невского, то оказывается, что «водный путь» присутствует не только в заключительной части церемонии (от Шлиссельбурга до Невского монастыря), но уже в первой части пути, от Владимира. Из рапортов для «журнала» следует, что мощи святого князя из Владимира переправляют по реке Колокше, затем после торжественной встречи мощей в Москве, Клину и Твери ковчег переправляют через Волгу, а после остановок в Торжке, Вышнем Волочке и Бронницах начинается водный путь по озеру Ильмень (до Новгорода), затем по реке Волхов к Старой и Новой Ладоге, откуда мощи несут в Шлиссельбург «сухим путем» [Рункевич: 203–220]. Если «водный путь» до Шлиссельбурга мог быть обусловлен практическими соображениями, то кульминационный его этап, когда сам Петр перенес ковчег на галеру и встал у ее руля, был связан с задачами идеологическими.

Этот «водный путь» стали сразу же обсуждать современники. Так, Бассевич в своих воспоминаниях отмечал: «Из Петербурга до нового монастыря <...> останки святого плыли по той самой реке, над которой когда-то развевалось знамя, водруженное на его предводительской ладье» [Бассевич: 423]. Т.е. в глазах современников мощи возвращались тем же путем, по которому Александр уже плыл. Таким же путем, — который святые проделали при жизни, — возвращались мощи св. Иоанна Златоуста в Константинополь и св. митрополита Филиппа в Москву. Но если в первых двух случаях мощи везли патриархи (Константинопольский — Златоуста, и будущий Московский патриарх — Филиппа), то в случае с Александром Невским — сам монарх. И здесь, на наш взгляд, образец перенесения мощей св. Филиппа был важен как историческое напоминание о попытках патриарха играть роль «кормчего», т.е. правителя. В новой империи этим попыткам противопоставлялась абсолютная власть императора, которому и воды покорны, и мощи даются¹¹.

Существует множество свидетельств того, что Никон был очень важной фигурой для Петра¹². История же «морских страстей» Никона, видимо, не просто была известна Петру, но и интересовала его. Так, в личной библиотеке Петра находилось прошение патриарха Никона, поданное царю Алексею Михайловичу в 1656 г., об устройстве Кийского Крестного монастыря с подробным изложением истории Кийского кре-

¹¹ Весьма показательна в этой связи легенда, записанная в Анзерском ските во Вкладной книге 1710 г. (год основания Александро-Невского монастыря): «Никон, митрополит Великого Новгорода и Лук, и аще много покушаяся с боярином и всем собором взяти и отнюдь не возмогша ниже с места своего сдвинуть чудотворного гроба» [РНБ]. Только после усердных молитв учителя Никона, преподобного Елеазара, «ко Господу» и святителю Филиппу, рака сдвинулась с места и «в царствующий град шествие сотвори» [Там же].

¹² См. об этом: [Погосян: 2005].

ста [Библиотека Петра I: № 598]¹³. История с бурей на пути в Соловки могла быть интересна Петру в связи с его собственным паломничеством к Соловецким святыням в 1694 г.

Свой путь он начинает со знаковой даты — 30 мая на яхте «Святой Петр». На пути в Соловки царя сопровождает Холмогорский архиепископ Афанасий, с которым у Петра еще во время первого пребывания в Архангельске складываются очень теплые отношения. Архиепископ вел подробную хронику царского путешествия.

Петр на пути к Соловкам все время сталкивается с препятствиями. Так, на второй день пути яхта Петра останавливается из-за отсутствия ветра и почти сутки стоит на якоре. В этот же день внезапно умирает доктор Захарий фан-дер Гульст [Богословский: 171]. Петр просит Лефорта позаботиться о похоронах, а сам остается на яхте и 1 июня продолжает свой путь. Но из-за бури, как повествует хроника Афанасия, «суда государевы носились нужно волнами» и «все <...> утверждение на судах начало сокрушаться» [О высочайших пришествиях: 41–42]. Положение было настолько серьезным, что архиепископ Афанасий исповедовал и причастил государя, отслужил молебен, а все, кто был на яхте, «мольбу ко Господу Богу приносили» [Там же]. Благодаря искусству лоцмана, крестьянина из угодий Соловецкого монастыря, яхта миновала опасный участок пути и 2 июня пристала к берегу у Пертоминского монастыря. Поскольку буря не унималась, Петр задержался в обители на несколько дней. В продолжение этого времени он участвует в богослужениях: поет с певчими и читает послания апостолов [Там же: 43–47]. В память же спасения государь своими руками вырезает деревянный крест, несет его на плечах и устанавливает на месте, где яхта после бури пристала

¹³ Примечательно также, что в самый разгар Северной войны, в 1708–1710 гг. в Кресто-Воздвиженском Кийском соборе строятся два придела на месте старых надвратных храмов, построенных еще при патриархе Никоне: юго-западный придел Архистратига Михаила (освящен в 1708 г.) и северо-западный — Святителя Филиппа (освящен в 1710 г.) [Крестный монастырь: 20].

к берегу. На кресте Петр вырезает надпись: «Этот крест сделал капитан Петр в лето Христово 1694» [О высочайших пришествиях: 43–47]¹⁴. 6 июня яхта Петра выходит, наконец, в море и 7-го пристает к берегу Соловков. Петр остается в обители три дня, щедро одаривает братию и велит установить большой деревянный крест на берегу, в отдельной часовне [Там же: 50]. Вероятно, в Пертоминском и Соловецком монастырях Петр беседует с братией и архиеп. Афанасием о Кийском кресте и бурях Никона в Белом море.

В контексте историй с бурями в перенесении «по воде» был заключен еще один смысл. Его, как нам представляется, разъясняет проповедь Феофана Прокоповича, написанная в 1718 г. на день памяти св. Александра Невского.

Вся проповедь есть рассуждение о том, что каждый христианин должен исполнять свое дело. Любое призвание человека на земле, — пишет Феофан, — «кому служить, кому господствовать, кому воевать, кому священствовать <...>», — определено Богом и есть служение ближнему. Поэтому каждое дело следует исполнять достойно, не совершая чего-либо «противного званию» [Прокопович: 95]. Именно в этом, по Прокоповичу, заключается путь ко спасению. Но призвание надо «испытывать»: «Бог судия есть: сего смиряет и сего возносит» [Там же: 98]. Чин, прошедший «испытание», это — «правильно приемлемый» чин, который «от самого Бога подается» [Там же]. Св. князь Александр проходит такое испытание в войне и достойно исполняет свой княжеский долг. Он и его «живое зеркало» Петр I — примеры «спасительного пути». В описании испытания Феофан не скупится на яркие аллегории, в которых Россия уподоблена «отчаянному кораблю», политическая ситуация — «ветрам жестоким» и «волнению»

¹⁴ Петр часто прибегал к подобного рода «опрощениям» («шкипер», «капитан»), указывая тем самым на определенную ступень своих знаний и умений в «иерархии» корабельного дела. В интересующем нас контексте «капитан» наделяется дополнительным смыслом: Петр — «кормщик» и, в противоположность просто царю, он — Ной и император.

на море, князь Александр (Петр) — «кормчему», который не спит, но в бурю сохраняет корабль целым [Прокопович: 100].

Другой путь, о котором пишет проповедник, — путь противления воле Божьей, т.е. исполнение дела не «по званию». Обличению этого погибельного пути, с привлечением многочисленных примеров из Священной истории, автор посвящает большую часть проповеди. «Лучше бы тебе не ведати имени твоего, нежели дела твоего!» — заключает он [Там же: 102].

Для нас важно, что, говоря о достойном исполнении долга, Феофан подробно рассуждает об обязанностях священства: «Пастырь ли духовный еси, смотри, чесого требует от тебе пастырей начальник Христос: испражняй суеверие, отметаи бабья басни, корми словом Божиим овцы, врученныя и оберегай от волков, кожами овчими одеянных <...> Всяк рассуждай, чесого звание твое требует от тебе <...>» [Там же: 98]. Феофан обращается к одной из самых актуальных тем конца 1710-х – начала 1720-х гг. — о месте священства в иерархии государственной власти.

Напомним, что 1718 г. — это время напряженной работы Прокоповича над «Духовным регламентом», аргументированным сводом правил, полностью упразднившим институт патриаршества¹⁵. Идеи «Духовного регламента» находят отражение в слове, произнесенном в день памяти св. Александра Невского. Теме исполнения долга и звания в «Регламенте», как и в проповеди, отводится исключительная роль. На первых страницах читаем: «<...> всегда памятуя страшное слово Его <Бога. — М. С.>, проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением» [Духовный регламент: 7]. Прокопович настолько озабочен «изъяснением» темы долга, что даже бороться с невежеством он предлагает изданием и повсеместным чтением трех «книжиц»: первая «о главнейших спасительных догматах веры нашея», вторая — «о всякаго чина должностях», третья — «собственно о должностях всякаго чина» [Там же: 24]. В кон-

¹⁵ «Духовный регламент» был написан к 1721 г., но указ Петра о написании проекта для Духовной Коллегии был составлен еще в октябре 1718 г.

тексте церковной реформы и непрекращающихся споров о ней история Никона и Алексея Михайловича была вновь актуальна. Слова самого Петра, сказанные П. Толстому в связи с побегом царевича Алексея, — прямое тому подтверждение: «Когда б не монахиня, не монах и не Кикин, Алексей не дерзнул бы на такое неслыханное зло. Ой бородачи! Многому злу корень <...>, — отец мой имел дело с одним бородачем, а я с тысячами» (цит. по: [Соловьев: 175]). Напоминания о Никоне содержатся и в «Регламенте». Так, Прокопович вспоминает случаи из истории, когда возгордившиеся патриархи чуть не стали причиной гибели царств: «не вспомнятся и у нас бывшие замахи» [Духовный регламент: 15].

Но очевидно, не только концепция новой реформы заставила Прокоповича обратиться к теме священства в слове об Александре Невском. Существовало еще нечто, объединяющее Александра, Никона и Петра, что Прокопович еще в 1718 г., а за ним и другие идеологи (уже в середине 1720-х гг., после Ништадтского мира) пытаются трактовать. Это, как представляется нам, календарный контекст. 30 мая оказывается днем, через который с Петром и Александром связан также Никон (не случайно он отправляется за мощами весной: он хочет успеть в Соловки к определенному времени, скорее всего, именно к 30 мая, дню памяти святителя). Да и путь после бури он продолжает накануне — 29 числа (в Соловки прибывает 3-го июня). В рамках идей Прокоповича и Петра трагедия Никона на море стала тем самым испытанием, которое будущий патриарх не проходит, когда определяет свой путь служения людям. Трагедия являлась также «знаком», который не был распознан, и совершилась роковая ошибка в выборе «без жребия» патриарха.

Молодой Петр ищет испытания, поэтому едет к Филиппу именно 30 мая. Петр спасен (т.е. дан знак: государь на верном пути), но это не значит, что он полностью прошел испытание. Испытание Петра превращается в пророчество: его ждет война, языком проповедников — тоже «буря на волнах». Видимо, в 1718 г. Феофан еще точно не знает, как связать эти важные даты и события. После Ништадтского мира все проясняется, и

план перенесения мощей св. Александра Невского, как и тексты Гавриила Бужинского (проповедь и служба на перенесение мощей) становятся логическим завершением концепции Феофана: Северная война (продолжение войны Александра) была испытанием Петра; предназначением (основание новой столицы по следам благоверного князя), сохранением и победой истинной веры и, наконец, утверждением царства над священством.

Перенесение мощей св. Александра Невского блестяще демонстрировало эти стороны имперской концепции, а усилиями выдающихся идеологов через «водный путь» оказывались в едином символическом ряду князь Александр и святитель Филипп. Очевидно, что святитель Филипп здесь — самая непростая фигура: он пострадал невинно, но пытался «управлять» царем, как и Никон. По всей видимости, Филипп остается для Петра мерилом отношений духовной и светской власти, таким же, каким стал Иоанн Златоуст для императора Феодосия.

В церемонии перенесения мощей св. Александра Невского, помимо исторического, календарного и идеологического пластов, могли быть и другие, актуальные для Петра. В частности, семейная история кн. Александра Невского и его старшего сына, удивительным образом пересекавшаяся с личной драмой самого Петра в деле царевича Алексея. Наряду с темой служения людям и Никоновским сюжетом, семейная тема интересует Прокоповича не меньше в слове 1718 г. об Александре Невском, как и Гавриила Бужинского в службе на Ништадтский мир. Наряду с никоновской темой она заслуживает отдельного большого исследования, которому мы надеемся посвятить отдельную статью.

ЛИТЕРАТУРА

- Августин Никитин: *Августин (Никитин), архим.* Православный Петербург в записках иностранцев. СПб., 1995.
- Басевич: *Басевич Г.-Ф. фон.* Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого // Юность державы. М., 2000.
- Бегунов: *Бегунов Ю. К.* Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 72–84.
- Богословский: *Богословский М. М.* Петр Великий: Материалы для биографии. М., 2005. Т. I.
- Гавриил: *Гавриил (Бужинский)* Festivitate S. Alexandri Nevensis, simulque in ejus Monasterio consecratione ecclesiae Annuntiationis V. V. M. (В день празднования св. Александра Невского и вместе с тем освящения в его монастыре церкви во имя Благовещения Пресвятой Девы Марии) // Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727 гг.). Юрьев, 1901. С. 512–527.
- Герасим Фирсов: Слово Герасима Фирсова на перенесение мощей митрополита Филиппа // Никольский Н. И. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам. Пг., 1916. (ПДПИ. Т. 188).
- Духовный регламент: Духовный регламент всепресветлейшаго, державнейшаго государя Петра Перваго, императора и самодержца всероссийскаго. М., 1897.
- Крестный монастырь: Крестный монастырь, основанный Патриархом Никоном в Онежском уезде Архангельской губернии. СПб., 1894.
- Лаврентий Далматов: *Лаврентий (Далматов), архим.* Краткое известие о Крестном Онежском Архангельской епархии монастыре. М., 1805.
- Макарий Булгаков: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 3. С. 158–159.
- Новгородская летопись: Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- О высочайших пришествиях: О высочайших пришествиях великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу и т.д. М., 1783. С. 11–17.
- Погосян: *Погосян Е.* Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001.

- Погосян 2005: *Погосян Е.* Князь Владимир в русской официальной культуре начала правления Елизаветы Петровны // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. V. Тарту, 2005. С. 11–36.
- Постановления Синода: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. СПб., 1876. Т. III, IV.
- ПРГ: Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1861. Вып. 1.
- Прокопович: *Феофан (Прокопович)*. Слово в день святого благоверного князя Александра Невского, проповеданное Феофаном, епископом Псковским, в монастыре Александроневском при Санкт-Петербурге 1718 году // Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 94–103.
- ПСЗРИ: Полное собрание законов Российской империи. Серия I. СПб., 1830. Т. VII.
- РНБ: РНБ. Соловецкое Анзерское собр. № 2/1370. Л. 61–61 об.
- Рункевич: *Рункевич С. Г.* Александро-Невская лавра. 1713–1913. СПб., 1997. (Сокращенное воспроизведение изд. 1913 г.).
- Сапожникова: *Сапожникова О. С.* Иоанн Златоуст и митрополит Филипп (к вопросу об образах, прообразах и моделях) // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2003. С. 183–212.
- Севастьянова 2003: *Севастьянова В. К.* Переписка Новгородского митрополита Никона с царем во время путешествия в Соловецкий монастырь за мощами митрополита Филиппа (март–июль 1652 г.) // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2003. С. 299–329.
- Севастьянова 2005: *Севастьянова С. К.* Грамота патриарха Никона о Крестном монастыре // Ставрографический сб. Кн. 3: Крест как личная святыня. М., 2005. С. 336–403.
- Соловьев: *Соловьев С. М.* Сочинения: История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. 9. Т. 17. Гл. 2.